

ВОРОБЬЕВА
Надежда Николаевна,
(г. Москва, Россия)

**АГРАРНАЯ РЕФОРМА 1906 г. СУДЬБА РЕФОРМАТОРА:
ВЛАДИМИР ГУРКО**

Статья посвящена исследованию роли и участия заместителя министра внутренних дел В. И. Гурко в разработке аграрной реформы 1906 г. Земельный «голод» и крестьянские беспорядки 1905–1907 гг. вызвали необходимость изменения государственной политики в сельском хозяйстве. Главной целью преобразований, начатых под руководством П. А. Столыпина, являлось обеспечение роста экономического и социального потенциала Российской империи за счет постепенной ликвидации института общины и формирования класса средних земельных собственников. Несмотря на то, что к 1917 г. реформа не была полностью реализована, она по праву считается «вторым освобождением крестьян» после 1861 г.

Стаття присвячена дослідженню ролі та участі заступника міністра внутрішніх справ В. І. Гурко у розробці аграрної реформи 1906 р. Земельний «голод» і селянські заворушення 1905–1907 рр. викликали необхідність змін державної політики в сільському господарстві. Основною метою змін, ініційованих під керівництвом П. А. Столипіна, було зростання соціально-економічного потенціалу Російської імперії за рахунок поступової ліквідації інституту общини та формування власників землі середнього класу. Незважаючи на те, що на 1917 р., реформу не було повністю реалізовано, вона по праву вважається "другим визволенням селян" після 1861 р.

The article investigates the role and participation of Deputy Interior Minister Vladimir Gurko in the development of agrarian reform in 1906. The Land “hunger” and the peasant riots in 1905–1907 necessitated changes in public policy in agriculture. The main goal of reforms initiated under the leadership of P.A. Stolypin, was to ensure the growth of economic and social potential of the Russian empire through the gradual elimination of the Institute community and the formation of middle class landowners. Despite the fact, that the 1917 reform has not been fully implemented, it is considered the “second liberation of the peasants” after 1861.

В этом году исполняется 150 лет со дня рождения П. А. Столыпина – главного творца аграрной реформы 1906 г. Ее изучению посвящена обширная отечественная и зарубежная литература [1]. Интерес к ней сегодня обусловлен непрекращающейся дискуссией о феномене жизнеспособности и устойчивости многоконфессиональной и полиэтнической Российской империи, эволюционных возможностях самодержавия и причинах революции. Не смолкают споры о целях и результатах реформы Столыпина, занимавшей особое место в попытках власти приспособиться к условиям модернизации и противостоять вызовам времени.

Аграрная реформа 1906 г. явилась результатом длительной работы. Одна из ключевых ролей в ней принадлежала товарищу (заместителю – Н. В.) министра внутренних дел В. И. Гурко.

Владимир Иосифович Гурко (1862–1927) – личность неординарная и многогранная. Он происходил из старинного дворянского рода, оставившего заметный след в военной истории, общественно-политической и культурной жизни России XIX в. Его отец И. В. Гурко – предпоследний генерал-фельдмаршал Российской империи, герой русско-турецкой войны 1877–1878 гг. [2]; бабушка Е. В. Салиас де Турнемир – известная писательница (псевдоним Е. Тур), русская «Жорж Санд» [3]; дядя Е. А. Салиас де Турнемир – знаменитый романист, братья Василий и Дмитрий – боевые генералы, сделали блестящую военную карьеру: первый – в 1917 г. был главнокомандующим Западного фронта, второй – являлся одним из основоположников русской военной разведки в Центральной Европе.

Владимир отдал предпочтение гражданской службе. По окончании юридического факультета Московского университета (1885) он получил назначение комиссаром по крестьянским делам в уездах Варшавской губернии (1886–1888). Молодой, хорошо образованный чиновник, усердно изучавший аграрный вопрос, публиковавший экономические очерки [4], обратил на себя внимание специалистов, что способствовало его быстрому продвижению по служебной лестнице. В 1891 г. он стал членом Варшавского губернского

присутствия по крестьянским делам, а затем исполнял должность Варшавского гражданского вице-губернатора. В 1895 г. – продолжил службу в Государственной канцелярии – учреждении, где готовили законопроекты для Государственного совета [5]. Эта организация являлась своего рода трамплином к вершинам власти для многих государственных деятелей Российской империи. Не стал исключением и В. И. Гурко. В 1902 г. министр внутренних дел В. К. Плеве назначил его управляющим земским отделом, который занимался общественным управлением и поземельным устройством крестьян. К этому времени взгляды Гурко на крестьянский вопрос вполне сформировались и нашли отражение в его экономических работах [6]. В них он последовательно отстаивал мысль, что все сословные и классовые интересы должны быть подчинены общей задаче – обеспечению мощи и процветанию государства. Перспективу социального и экономического развития Российской империи Гурко видел в формировании класса средних земельных собственников, то есть фермерских хозяйств. «Как интересы государства, так и интересы деревни в равной степени говорят за всемерное содействие образованию владений средней величины из крупных поместий и за прекращение дальнейшего дробления владельческих земель на мелкие участки с переходом их в крестьянские руки», писал он [7]. В основе концепции Гурко лежала мысль, что только крепкие крестьянские хозяйства были способны удовлетворить возникшую необходимость в интенсификации аграрного производства, которое, по его мнению, являлось главным источником экономического потенциала страны.

До начала XX в. экстенсивный путь развития сельского хозяйства в Российской империи был вполне рациональным [8]. Мировой опыт показывал, что увеличение производительности труда в этой отрасли становилось возможным только при избытке труда, недостатке земли и наличии капитала. В России проблема избытка труда, при постоянном дефиците капитала (а также времени и знаний), решалась в основном за счет относительно более легкой и доступной земледельческой колонизации ее необъятных просторов.

Дополнительным стимулом для экстенсивного хозяйства служило и то, что границы страны расширялись в направлениях от менее плодородных почв к Черноземью. На новых землях издержки производства были меньше, а производительность труда – выше, чем в районах прежнего заселения. Экспансия и колонизация новых пространств имели неоднозначные последствия для развития страны. Перефразируя выражение французского историка Ф. Броделя, – территория Российской империи являлась одновременно ее тормозом, и стимулятором, ограничителем и освободительницей [9].

Вплоть до середины XVIII в. плодородное Черноземье Русской равнины представляло собой безлюдную степь – «дикое поле». Крайне мало были заселены Заволжье и Сибирь. 2/3 населения проживало на Севере и в Нечерноземье. С середины XVI–XVII вв. после победы над Казанским, Астраханским и Крымским ханствами началось массовое колонизационное движение на восток и юг. Благодаря экспансии и колонизации процент окультуренной земли с 1696 по 1887 г. вырос почти в два раза (с 24,4 до 45,9 %). К 1914 г. эти показатели еще более увеличились и составили, по разным оценкам, от 48 до 52 % [10]. Перемещение центра хозяйственной деятельности в условия более благоприятные для земледелия и скотоводства расширило общий земельный фонд, увеличило степень его использования. Соответственно укрепился и государственный экономический потенциал.

Таким образом, пока существовала возможность колонизации, интенсификация земледелия практически не была востребована. Об этом свидетельствует тот факт, что на протяжении XVI – первой половины XIX вв. урожайность крестьянских земель непрерывно снижалась [11]. Однако к середине XIX в. фонд свободных земель в Европейской России оказался практически исчерпан. Переселение в отдаленные регионы Сибири для многих было равнозначно эмиграции из страны.

Новые территории не только открывали новые возможности, но и требовали значительных усилий и средств для обеспечения их безопасности, и

развития коммуникаций между «центром» и «окраинами» империи. Отток капитала из внутренних губерний истощал их, в то же время выделенных средств катастрофически не хватало для обеспечения инфраструктуры инкорпорированных земель. Вхождение в состав Российской империи национальных окраин порождало национальные вопросы (польский, еврейский, татарский, бурятский и т.д.).

Следует признать, под влиянием масштабной экспансии утвердилась определенная парадигма русского менталитета – вера в неистощимость природных ресурсов. В перспективе, сформировавшаяся на этой основе психология беззаботности, иррациональность в использовании, неизбежно вели к отставанию от мировых держав [12].

В этой связи в начале XX в. Гурко выражал опасение, что «экономическое положение [России – Н. В.] проявляет грозные признаки ухудшения, количество производимых ценностей уменьшается, удовлетворение главнейших народных потребностей понижается, государственные финансы приходят во все в большее расстройство». При наличии земли и климатических условий «мы не в состоянии добыть от природы необходимое для удовлетворения наших ограниченных нужд» [13]. Основную причину такого положения он видел в низкой агротехнической культуре. Гурко был убежден, что простая передача крестьянам помещичьих земель не решит их экономических проблем и не улучшит их благосостояния. С трибуны Государственной Думы он выступал против любых видов «принудительного отчуждения частновладельческих земель», а также «социализации», «национализации» и пр. Он считал, что следовало менять всю систему сельского хозяйства. Государственная политика, должна была быть направлена на ликвидацию общины и создание класса средних земельных собственников. Принципиальное значение для Гурко имело введение частной собственности на землю, в которой он, на примере западных стран, видел основу общего развития и экономического процветания государства [14]. Первыми шагами на избранном пути, по замыслу Гурко, должны были стать уничтожение круговой

поруки и отмена выкупных платежей. В этом ключе им был составлен аграрный раздел манифеста Николая II от 26 февраля 1903 г. («О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка») [15]. Наряду с заявлением о решимости хранить «вековые устои» Российской империи этот документ предусматривал облегчение выхода крестьян из общины.

Однако единого мнения по этому вопросу в российском обществе не было. Община как форма социальной организации на протяжении длительного времени отвечала потребностям крестьянства, то есть народа, который составлял свыше 90 % от населения Российской империи [16]. Ее характерные черты – традиционализм, замкнутость, сдерживание инициативы и индивидуализма, неспособность обеспечить высокую производительность труда и повышение жизненного уровня, сегодня, из XXI в. кажутся минусами, в то время как человеку доиндустриальной эпохи они представлялись благом. Община создавала возможность для прямых и интенсивных межличностных контактов, гарантировала социальную защиту, сдерживала развитие всех видов неравенства и обеспечивала минимальными средствами к жизни всех ее членов. Общинная собственность, ограничение имущественной дифференциации, систематическое исключение и добровольный уход из сельской общины лиц с поведением, отклоняющимся от общепринятых норм, поддерживали ее внутреннюю стабильность, консолидацию и экономическую однородность. Существовавшая монополия общины на формирование личности, вела к тому, что ее нравственные ценности, основанные на идеалах православия, твердо усваивались крестьянами и становились их собственными ориентирами в жизни [17]. При низкой грамотности социализация крестьян происходила, в основном, путем непосредственной передачи опыта и культуры от одного поколения к другому. В этом заключались причины традиционности крестьянского менталитета, сходства их образа жизни и поведения. Знаменитый либеральный правовед К. Д. Кавелин утверждал: «Мы должны не упразднить, а, напротив, бережно охранять общинное владение и пронести его

неприкосновенным до того времени, когда большая степень культуры, лучшее понимание частных и общественных интересов сделают ограждение его ненужным. <...> Для сильных, предприимчивых, способных, даровитых людей общинное владение слишком тесно и узко, и они будут из него выходить; но для слабых, посредственных, не предприимчивых, довольствующихся немногим, и для неудачников – а таких огромное большинство, общинное владение есть якорь спасения, тот челнок или спасительная доска, на которых они могут держаться около берега, посреди экономических треволнений и бурь, поодаль от ожесточенной борьбы за наживу» [18]. Община, по его мнению, создавала условия, для того чтобы «спокойно и благополучно пережить трудный в жизни каждого народа период индивидуализации» [19], который стремительно прогрессировал в России. По данным профессора Б.Н. Миронова среднегодовое число операций покупки земли в 1903-1904 гг. возросло в 1,5 раза по сравнению с 60-ми гг. XIX в., а среднегодовое количество земли в 15 раз. Кроме того, крестьяне в 34 раза чаще стали покупать землю в личную собственность,* чем в общинную [20].

Община служила не только интересам своих членов, но и решала важные государственные задачи, под руководством официальной администрации [21].

На протяжении всего имперского периода крестьянство представляло собой мощную опору для монархии. В традиционном обществе существовало твердое убеждение, что в политике царь неотделим от Бога, ибо он есть «помазанник Божий», проводник его воли [22]. Неслучайно, предпринятые в 60-80-х гг. XIX в., попытки радикальной интеллигенции поднять деревню против самодержавия закончились провалом. По этому поводу видный участник народнического движения В.Г. Короленко писал: «Народ был еще во власти легенды о непрестанной царской милости. Крестьянство даже в случае раздражения можно было поднять на сопротивление только подложными царскими грамотами» [23]. До 1861 г. с императором крестьяне связывали свои

---

* Личная собственность на землю отличалась от частной, тем, что крестьяне могли продавать ее только крестьянам, закладывать ее только к Крестьянском поземельном банке, но не в частных кредитных учреждениях.

чаяния и надежды на освобождение от крепостного права, [24] а затем на экспроприацию помещичьих земель в свою пользу [25]. Их равнодушие к революционным призывам оппозиции резко контрастировало с сочувственным отношением к ним общественности [26].

Структурный и функциональный дуализм сельской общины [27] обеспечивал ей поддержку как изнутри – самих крестьян, так и извне – со стороны государства, которое вплоть до начала XX в. всей силой своей власти поддерживало и укрепляло общину. В 1861–1893 гг. свободный выход из нее разрешался только при условии полной выплаты выкупа за землю, в противном случае требовалось разрешение схода. Внести крупную сумму мог далеко не каждый (за 1861–1906 гг. из передельной общины, на основании досрочного выкупа, вышли всего 1,5 % (140 тыс. из 9,5 млн. крестьянских дворов) [28], рассчитывать же на «лояльность» общины и возможность покинуть ее безвозмездно было абсурдом. С 1893 г. условия выхода еще более ужесточились. К прежним требованиям добавилась необходимость получить разрешение от земства. Государственная администрация и неофициальная сельская власть не были заинтересованы в утрате своего влияния. Таким образом, закон 1893 г. практически блокировал легальную возможность покинуть общину. Между тем к 1900 г. аграрное перенаселение по разным оценкам достигло от 22 до 52 % [29]. Это означало, что фактически половина рабочих рук в деревне к началу XX в. стала лишней. Город и промышленность не могли предоставить работу 23 млн. человек [30].

Осознав кризис сельского хозяйства, правительство стремилось найти выход из создавшегося положения [31]. С этой целью в 1902 г. при министерстве внутренних дел была образована редакционная комиссия по пересмотру законодательства о крестьянстве.

Сами крестьяне видели решение проблемы в реквизиции земли у помещиков в свою пользу. Такой подход не только не снимал напряжения в обществе, но и еще больше накалял ситуацию. Во-первых, конфискация земли

у дворян (53,2 млн. десятин),** купцов и мещан (16,7 млн. десятин) (всего 76,6 млн. га) не могла удовлетворить возникший земельный голод. За счет такого «перераспределения» земельные наделы крестьян увеличились бы всего на половину десятины, то есть на 0,5 га [32]. Во-вторых, эти земли не пустовали, а обрабатывались крестьянами. Кроме того, для Александра III и Николая II этот шаг был неприемлем, еще и потому, что он означал бы предательство по отношению к своему второму потенциальному союзнику – 107 тысячному поместному дворянству. Хотя, с сокращением площадей помещичьей земли (за 1862–1904 гг. на 41 %) [33], ростом задолженности и самоизоляцией дворянства его влияние снижалось, к началу XX в. оно, тем не менее, представляло все еще внушительную силу. В первую очередь, благодаря своим сословным организациям и крепким политическим позициям на местах (в земстве, уездном управлении и т.д.). Высшая бюрократия в Петербурге и провинции, по-прежнему, состояла на 85–100 % из поместных дворян [34]. Кроме того, дворянство оставалось классом наиболее сплоченным, образованным и лояльным самодержавию [35].

Непримиримые противоречия между крестьянством и поместным дворянством по земельному вопросу исключали возможность подтверждения легитимности самодержавия одновременно с обеих сторон, а также возможность заменить политическую модернизацию реформированием социально-экономической сферы. Коллизия интересов в значительной мере породила крестьянское движение, революцию 1905–1907 гг. и последовавшие за ней уступки правительства.

Инициативы В. И. Гурко в разработке программ ликвидации общины и создания крестьянского землевладения на правах частной собственности были восприняты новым министром внутренних дел П. А. Столыпиным [36]. Государственный секретарь В. Н. Коковцов считал, что он пришел к аграрной реформе, попав под влияние «такого страстного человека каким был В. И. Гурко, давно уже остановившийся на необходимости бороться с

** Десятина – 1, 097 Га.

общинным землепользованием и не раз пытавшийся влиять в этом смысле на [председателя Совета министров – Н. В.] Горемыкина» [37]. Некоторые современные исследователи, в частности, Ю. Б. Соловьев, полагают, что Гурко более, чем кто-либо, подготовил переход к столыпинской аграрной реформе [38]. Б. Н. Миронов справедливо называет ее вторым, после отмены крепостного права, освобождением крестьянства [39].

Создание нового слоя независимых и экономически сильных землевладельцев отвечало новым политическим целям самодержавия. Поворот в аграрной политике был связан с тем, что во время революции 1905–1907 гг. община фактически возглавила крестьянские беспорядки. Потеряв веру в ее лояльность, правительство сделало ставку на крепкие индивидуальные хозяйства, которые должны были стать оплотом власти против революционных настроений в деревне [40].

Аграрная реформа 1906 г. закрепила за крестьянами право, без согласия общины и главы семьи, поступать на службу, работать, учиться и приобретать землю за ее пределами. Отменялся порядок исключения из общины в связи с окончанием курса учебного заведения или переходом в другое сословие. Выход из нее стал для всех свободным. Отныне крестьянин сам выбирал место жительства. За выделившимся домохозяином сохранялись все участки общинной земли, которыми он владел со времени последнего передела. Кроме того, он мог пользоваться общинными угодьями. В течение месяца община должна была удовлетворить его заявление о выходе и предоставить ему участок земли, в противном случае это осуществляло земское руководство. Реформа ликвидировала подушную подать, круговую поруку, обязательное привлечение к общественным работам и принудительное направление недоимщиков на заработки. Крестьяне, не владевшие недвижимостью, получили право вступать в долговые обязательства. Был отменен запрет на сдачу под залог наделной земли частным лицам и обществам (правда, залог разрешался только под ссуды государственного Крестьянского поземельного банка) [41]. Переход к отрубному владению землей, то есть, когда крестьянин получал участок земли в

одном месте, стал возможен по решению 2/3 сельского схода или простого большинства при подворном владении. Семейные разделы земли стали личным делом каждого хозяйства. Реформа сделала крестьян полноправными субъектами гражданско-правых отношений и уравнила их в правах с другими сословиями. Расширились избирательные права крестьян по выборам в местные органы самоуправления и Государственную думу первого созыва.

Общинные порядки не были насильственно сломаны столыпинской аграрной реформой. Естественный процесс разложения социальных отношений общинного типа, готовился изнутри и начался задолго до 1906 г. Реформа всего лишь устранила экономические и юридические препятствия и тем самым ускорила процессы, уже происходившие в деревне [42]. Это подтверждается существованием промежуточных форм разрыва с общинным укладом. Так, за 1861–1906 гг., кроме официально вышедших из общины 1,5 % хозяйств, еще 33,2 % (то есть 3,15 млн. из 9,5 млн. дворов) стихийно перешли от передельно-общинного к подворно-общинному землевладению. Среди них, по данным на 1905 г., имелось 490 тыс. собственников земли [43]. Таким образом, до 1906 г. около трети крестьян (39% или 3,7 млн. из 9,5 млн.) сделали шаг в сторону личной собственности. Также следует учитывать, что, судя по всему, не все желавшие перейти к подворной общине или отказаться от коллективного землепользования сумели это сделать из-за угрозы обострения отношений с общиной. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1907–1915 гг. 73 % вышедших из общины сделали это против воли односельчан [44]. В этих случаях размежевание проводили специальные государственные землеустроительные комиссии. Нередко оно сопровождалось серьезными конфликтами, вплоть до физической расправы [45].

Кроме того, в начале XX в. в Российской империи шел процесс становления гражданского общества. Для того, чтобы оно могло утвердиться человеку было необходимо освободиться от патриархальных общинных связей, осознать важность участия в общественных и политических организациях, отстаивания своих интересов в представительных органах и перед

правительством. При переходе от традиционного общества к индустриальному неизбежно менялся и господствовавший тип социальных отношений: от общинного к индивидуальному или общественному.

Проведение аграрной реформы, способствовавшей естественному распаду сельской общины, развитию хуторского и отрубного хозяйств, утверждению в деревне частной собственности на землю, переселению крестьянства из Европейской России в Сибирь, являлось стратегически правильным решением [46]. Реформу поддержали около 30 % крестьян, что было достаточно для начала переустройства деревни в соответствии с принципами фермерской рыночной экономики [47]. В случае ее реализации в полном объеме, возникали реальные шансы появления среднего класса в лице экономически-независимого крестьянина-собственника – основы устойчивого развития государства и общества. Однако это требовало значительного финансирования, специалистов и соответствующего ведомственного аппарата. Того и другого не хватало. Серьезное противодействие оказывали помещики и большинство правого думского крыла, поскольку реформа подрывала землевладение дворянства, а с ним и его привилегии.

1906 г. стал вершиной в политической карьере В. И. Гурко – он был назначен товарищем, то есть заместителем, министра внутренних дел. Однако разгоревшийся вскоре скандал положил конец его государственной службе. Обвиненный по подложному делу (так называемому «Делу Лидваля») в финансовых махинациях с поставками продовольствия в 1907 г. В. И. Гурко по суду был отстранен от занимаемой должности. В том, что он стал жертвой интриг были уверены даже его политические оппоненты, в частности, известный антимонархист, общественный деятель П. Б. Струве [48]. Спустя несколько месяцев Николай II издал указ о помиловании Гурко (с него была снята и судимость). В 1910 г. ему было присвоено высокое придворное звание – камергера, которое согласно Табели о рангах приравнивалось к генерал-майору армии. В 1912 г. В. И. Гурко вернулся в политическую жизнь страны уже в качестве члена Государственного совета по выборам от тверского земства.

Судьба аграрной реформы П. А. Столыпина сложилась неоднозначно. С началом Первой мировой войны ее социальный резерв оставался значительным. Во-первых, за счет крестьян, не довольных общиной, но по разным причинам не вышедших из нее в 1907–1915 гг. (747 тыс. дворов), во-вторых, крестьян беспередельных общин, документально не оформивших свой переход к подворно-участковому землевладению (2,3 млн. дворов) [49]. К 1917 г. лишь около трети крестьянских хозяйств оказались готовы к новой жизни, которая строилась на принципиально другой системе ценностей, чем в общине. Несмотря на существенный подрыв, традиционный общинный строй все еще удерживал свои позиции, в особенности в великорусских губерниях, которые в отличие от южных не особенно страдали от перенаселения. Компромисса в решении вопроса о ликвидации помещичьей земли за счет буржуазной реформы достичь не удалось. Оставшаяся недовольной большая часть крестьянства нашла для себя лидера в лице социалистов, которые предлагали радикальный, а главное, простой и быстрый выход из кризиса в революции и экспроприации земли у помещиков [50]. Как справедливо заметил Л. Д. Троцкий: «Мужик не читал Ленина. Но зато Ленин хорошо читал в мыслях мужика» [51]. Победа социалистической идеи в интерпретации и исполнении большевиков изменила вектор социального развития Российского государства, привела к ликвидации наметившихся тенденций и возрождению привычных общинных отношений – теперь уже в форме колхозного строя.

Список использованной литературы

1. Наиболее полный обзор исторической литературы по указанной тематике (всего более 1000 работ) содержится в кн.: *П. А. Столыпин*: библиогр. указатель. 1862–1911 / под ред. П. А. Пожигайло. – М., 2002; Работы последних лет : *П. А. Столыпин* : Программа реформ. Документы и материалы : в 2 т. – М., 2011; *Петр* Аркадьевич Столыпин / под ред. В. В. Шелохаева, К. А. Соловьева [и др.]. – М., 2012; *Табачник Д. В.* Крестный путь Петра Столыпина / Д. В. Табачник, В. Н. Воронин. – Х., 2012; *Ascher A. P. A. Stolypin : The Search for Stability in Late Imperial Russia* / A. Ascher. – Stanford, 2002; *Saccorotti L. P. A. Stolypin : Una vita per lo zar* / Saccorotti L. – Rubbettino, 2002.

2. См. подробнее: *Иванова Н. Н.* И. В. Гурко и М. Д. Скобелев за слава на Отечеството или новата «наука да побеждаваш» // Сборник военноисторически музеи. – Плевен, 2008. – № 1. – С. 19–33; *Воробьева Н. Н.* О деятельности

И. В. Гурко во главе Передового отряда во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. / Н. Н. Воробьева // Материалы от научных изысканий на национальный парк-музей «Шипка-Бузлуджа». – Казань, 2008. – С. 21–28; *Воробьева Н. Н.* «Честолюбивые замыслы от меня далеки, но мне совсем не все равно, что скажет обо мне потомство...». Участие И. В. Гурко в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. / Н. Н. Воробьева // Военно-ист. журн. – 2010. – № 6. – С. 25–29.

3. См. подробнее: *Воробьева Н. Н.* «Русская Жорж Санд» (об одном неизвестном архивном источнике по истории русско-турецкой войны 1877–1878 гг.) / Н. Н. Воробьева // Архіви України. – 2011. – № 4 (274). – С. 114–131.

4. *Гурко В. И.* Дворянское землевладение в связи с местной реформой / В. И. Гурко. – СПб., 1887.

5. *Шилов Д.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917 / Д. Шилов. – СПб., 2002. – С. 689–694.

6. *Гурко В. И.* Устои народного хозяйства / В. И. Гурко. – СПб., 1902; *Гурко В. И.* Отрывочные мысли по ангарному вопросу / В. И. Гурко. – СПб., 1906; *Гурко В. И.* Наше государственное и народное хозяйство и меры, могущие содействовать нашему экономическому преуспеянию / В. И. Гурко. – СПб., 1909; *Гурко В. И.* Борьба труда и капитала; его неизбежные последствия / В. И. Гурко. – Берлин, 1901.

7. *Гурко В. И.* Устои... С. 61.

8. *Мионов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. – СПб., 2003. – Т. 1. – С. 50.

9. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. / Ф. Бродель. – М., 1992. – Т. 3. – С. 400.

10. *Сельское хозяйство России в XX веке : сборник статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг.* / под ред. Н. П. Огановского. – М., 1923. – С. 76–77.

11. *Дулов А. В.* Географическая среда в истории России. Конец XV–середина XIX в. / А. В. Дулов. – М., 1983. – С. 56.

12. *Поляков Ю.* Российские просторы: благо или проклятье? / Ю. Поляков // Свободная мысль. – 1992. – № 12. – С. 20–21.

13. *Гурко В.* Устои... С. 56.

14. *Государственная Дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. Сессия 1.* – СПб., 1906. – Т. 1. – С. 519.

15. *Любимов Д. Н.* Отрывки из воспоминаний Д. Н. Любимова (1902–1904). Публ. Любимова Л. Д., Сидорова А. Л. // Ист. Архив. – 1962. – № 6. – С. 78.

16. *Мионов Б. Н.* Социальная история... СПб., 2000. – Т. 2. – С. 211.

17. См. подробнее: *Клибанов А. И.* Народная социальная утопия в России : Период феодализма / А. И. Клибанов. – М. 1971; *Клибанов А. И.* Народная социальная утопия в России: XIX в. / А. И. Клибанов. – М., 1979.

18. *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений : в 4 т. / К. Д. Кавелин. – СПб., 1898. – Т. 2. – С. 281.

19. *Там же.*

20. *Мионов Б. Н.* Социальная история... СПб., 2003. – Т. 1. – С. 481.

21. Швейковская Е. Н. Общинная власть в системе феодального административного управления России XVII в. / Е. Н. Швейковская // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма : тезисы докл. и сообщ. Чтений памяти В. Б. Кобрин, Москва, 26–29 янв. 1992. – М., 1992. – С. 198–200.
22. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров. – СПб., 1992. – С. 247–254, 272–302.
23. Короленко В. Г. История моего современника / В. Г. Короленко // Собрание сочинений : в 5 т. – Л., 1991. – Т. 5. – С. 254.
24. Раскин Д. И. Некоторые черты психологии народных масс России XVIII в. / Д. И. Раскин // Наука и культура России XVIII в. / под ред. Э. П. Карпеева. – Л., 1984. – С. 225–247.
25. Литвак Б. Г. Крестьянское движение в России в 1775–1904 гг. / Б. Г. Литвак. – М., 1989. – С. 252–253; Литвак Б. Г. Переворот 1861 г. в России / Б. Г. Литвак. – М., 1991. – С. 210.
26. Троицкий Н. А. Царизм под судом прогрессивной общественности : 1862–1895 / Н. А. Троицкий. – М., 1979. – С. 121–182.
27. См. подробнее: Миронов Б. Н. Главные социальные организации крестьянства, городского сословия и дворянства / Б. Н. Миронов // Acta Slavica Japónica. – 1998. – Vol. 16. – P. 160.
28. Миронов Б. Н. Социальная история... СПб., 2003. Т. 1 С. 479.
29. Материалы высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопросов о движении с 1861 по 1901 гг. благосостояния сельского населения среднеземельных губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. [Далее материалы Комиссии 1901 г. – Н.В.]. – СПб., 1903. – Ч. 1. – С. 249; Островский А. В. О региональных особенностях перенаселения капиталистической России (1862–1914) / А. В. Островский // Проблемы исторической географии России / под ред. Я. Е. Водарского. – М., 1982. – Вып. 2. – С. 175–181; См. подробнее: Иванов Е. Т. Отечественная историография аграрного перенаселения / Е. Т. Иванов // Вопросы истории. 1971. – № 12. – С. 31–42.
30. Материалы Комиссии 1901 г. – СПб., 1903. – Ч. 1. – С. 261.
31. Челинцев А. Н. Сельскохозяйственные районы России как стадии сельскохозяйственной эволюции и культурный уровень сельского хозяйства в них / А. Н. Челинцев. – СПб., 1910. – С. 8–15; Кауфман А. А. К вопросу о соотношении между размерами земельного обеспечения и агрикультурным прогрессом / А. А. Кауфман, И. В. Чекан. – Пг., 1919. – С. 1–32.
32. Статистика землевладения: 1905 г. : свод данных по 50 губерниям Европейской России. – СПб., 1907. – С. 12–13, 261.
33. Анфимов А. Н. Новые данные о землевладении Европейской России / А. Н. Анфимов, И. Ф. Макаров // История СССР. – 1874. – № 1. – С. 85.
34. Миронов Б. Н. Социальная история... СПб., 2000. – Т. 2. – С. 205.
35. Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство / В. С. Дякин. – Л., 1978. – С. 14–15.

36. *Кауфман А. А.* Указ от ноября 1906 г. / А. А. Кауфман // Русская мысль. – 1908. – № 1. – С. 166.
37. *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 : в 2 т. / В. Н. Коковцов. – Париж, 1933. – Т. 1. – С. 255.
38. *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство. 1907–1914 / Ю. Б. Соловьев. – Л., 1990. – С. 87.
39. *Мионов Б. Н.* Социальная история... СПб., 2000. – Т. 2. – С. 225.
40. *Volin L.* Agrarian Situation was Improving. / Volin L. // Imperial Russia after 1861. Ed. by Adams A. Peaceful Modernization or Revolution? – Boston, 1965. – P. 73–74.
41. См. подробнее: *Батурицкий Д. А.* Аграрная политика царского правительства и крестьянский поземельный банк / Д. А. Батурицкий. – М., 1925; *Вдовин В.* Крестьянский поземельный банк. (1883–1895) / В. Вдовин. – М., 1959.
42. См. подробнее: *Лосицкий А. Е.* Распадение общины : распадение общины до указа 9 ноября 1906 г. Укрепление наделов личную собственность. Выходы на хутора и отруб / А. Е. Лосицкий. – СПб., 1912; *Лосицкий А. Е.* К вопросу об изучении степени и форм распада общины / А. Е. Лосицкий. – М., 1916.
43. *Статистика землевладений : 1905 г...* С. 78–79.
44. *Дубровский С. М.* Столыпинская земельная реформа / С. М. Дубровский. – М., 1963. – С. 581.
45. *Мионов Б. Н.* Социальная история... СПб., 2003. – Т. 1. – С. 481.
46. *Мионов Б. Н.* Социальная история... СПб., 2000. – Т. 2. – С. 225.
47. *Там же.* – С. 226.
48. *Gurko V. I.* Features and Figures of the Past / V. I. Gurko. – Stanford, 1939. P. VII. [Издание опубликовано на русском языке : *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого : Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. – М., 2000].
49. *Мионов Б. Н.* Социальная история... СПб., 2003. – Т. 1. – С. 482.
50. *Колоницкий Б. И.* Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание / Б. И. Колоницкий // Анатомия революции / под ред. В. Ю. Черняева. – СПб., 1994. – С. 188–202.
51. *Троицкий Л. Д.* История русской революции : в 2 т. / Л. Д. Троицкий. – Берлин, 1933. – Т. 2, ч. 2. – С. 33.